

Научная статья**УДК 341.63****DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.95-109**

Третейский суд и правосудие в транснациональном имущественном обороте

Юрий Эдуардович Монастырский^{1, 2}

¹ Юридический институт, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

² Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

monastyrsky@mzs.ru

Аннотация

Введение. Статья содержит юридические размышления о различных правовых режимах третейских производств на основе отечественных и нероссийских законов. Процедура международного коммерческого арбитража в зависимости от территориального происхождения либо регулируется специальными нормами Российской Федерации, либо нет. Признание и принудительное исполнение наших обычных или иностранных арбитражных решений получает различное правовое сопровождение в России и подчинение (или нет) процедурам отмены, содействия и т. д.

Результаты исследования. Автор выказывает за необходимость выделить третейские продукты на основе применения собственного либо иностранного права в России. Он подчеркивает кардинально различающиеся способы контроля правоприменения в Российской Федерации. Автор критикует правовую позицию, согласно которой западные концепции должны иметь неограниченное влияние на уяснение сути фундаментальных юридических категорий, таких как «место арбитража», «фикации», что противоречит введенному в 2015 г. российскому законодательству об арбитраже.

Обсуждение и заключение. Из действующих норм национального регулирования невозможно вывести неограниченную автономию сторон и арбитров и беспрепятственно создавать привязки к иностранным правопорядкам. Для этого требуется реальное производство не по российским нормам и иностранная национальность третейского трибунала. Собственное, иностранное или чужое материальное право также предопределяют правовой режим арбитражных решений.

Ключевые слова: третейский суд, арбитраж, признание, приведение в исполнение, решения, судебный контроль, юридическое содействие

Для цитирования: Монастырский Ю. Э. Третейский суд и правосудие в транснациональном имущественном обороте // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 4. С. 95–109. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.95-109.

Original article

Arbitral Tribunals and Justice in Transnational Property Turnover

Yuri E. Monastyrsky^{1, 2}

¹ Law Institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

² Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

monastyrsky@mzs.ru

Abstract

Introduction. The present article puts forward the juridical comments on different legal regimes of arbitral proceedings on the basis of domestic and non-Russian laws. The international commercial arbitration may or may not be subject to Russian special norms. The different legal support is granted to recognition and enforcement of awards both foreign and domestic.

Results. The author stands for differentiation of arbitration products into those made under national and non-Russian applicable laws. The columnist emphasizes that the western doctrine states that seat of arbitration is fiction by nature. The allegation contradicts to statutes of 2015 in Russian Federation.

Discussion and Conclusion. It cannot be possible to draw a sense of unlimited autonomy of both parties and arbitrators to create a connection to foreign jurisdiction without actions to that extent. Foreign and domestic applicable laws also predetermine the specific features of arbitration awards.

Keywords: arbitral tribunals, arbitration, recognition, enforcement, awards, judicial control, legal support

For citation: Monastyrsky, Yu. E. Arbitral tribunals and justice in transnational property turnover. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(4):95-109. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.95-109.

Введение

Арбитраж как правовой институт давно известен в России и имеет глубокие исторические корни. Еще до Свода законов Российской империи 1835 г. арбитраж был закреплен в таком общенациональном акте, как Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.¹ Названная правовая категория прошла че-

¹ Статья 5 «О третейском суде» главы XV «О вершеных делах» // Соборное уложение 1649 года : текст, comment. Л. : Наука, 1987. С. 73–74; «...Соборное Уложение общим законом признало силу третейского приговора и каждому предоставило ведаться пред третьими по обоюдному соглашению с противником. Кратко, не полно определение Уложения о нашем предмете, всего одна статья посвящена ему, но она подала повод к дальнейшему развитию учреждения последующею

рез века, сохранив базовое значение важнейшего альтернативного средства разрешения споров, субститута юрисдикционного органа, всегда имеющего власть над определенными субъектами и вершащего наряду с государством правосудие (исторический метод). По меткому выражению В. А. Дозорцева, терминология «...в праве более чем существенна, ибо она не только выражает содержание правовых категорий, но и влияет на них», т. е. категориальный аппарат играет особую регулирующую роль, создавая общеправовой смысловой контекст [3, с. 53, 140, 143]. При этом влияние семантики возрастает, удерживающая термин в его влиянии на развивающиеся общественные институты (систематический метод).

Можно убедиться, что за арбитражем как особым процессом разрешения спора закрепилась специализация третейской деятельности применительно к внешней торговле, что являло собой важный шаг к усовершенствованию правового режима и охаранспособности транснационального экономического оборота².

Одно за другим государства на законодательном уровне приняли систему императивных коллизионных норм с почти единственной целью – создать возможность для сопровождения деятельности, происходящей за рубежом, собственным известным правом. Второй революционный этап в развитии рассматриваемого института ознаменовался принятием конвенций: Женевского протокола 1923 г. об арбитражных оговорках³ и Женевской конвенции 1927 г. о приведении в исполнение иностранных арбитражных решений⁴, Конвен-

деятельностью законодательной власти» [1, с. 8–9]; «Третейское производство, бывшее в древнем русском праве в тени института целовальников, с упразднением его снова появляется со всей явственностью в Уложении, и соответствующий суд получает название третейского, каковым и пользуется до сих пор. Истец и ответчик могли полюбовно договориться передать свое дело на рассмотрение третьего и должны были сделать в адрес последнего письменное заявление (запись), что они хотят “слушать приговору”...» [2, с. 30].

² «Международный коммерческий арбитраж... является признанным инструментом разрешения трансграничных коммерческих споров. С каждым годом число обращений за проведением арбитражного разбирательства в постоянно действующие институциональные арбитражные центры, как правило, растет. Этому способству[е]т... усиление процессов глобализации, выражающееся в росте объема международных торговых связей, что приводит к размытию жестких границ между государствами и к необходимости чаще обращаться в случае возникновения споров не к государственным судьям, а к нейтральному, заслуживающему высокого доверия форуму» [4, с. 440–441]; «Во взаимосвязанном мире торговли без границ арбитраж стал прочно утвердившейся и общественно признанной альтернативой судебному разбирательству в государственных судах» [5, с. 90].

³ Протокол об арбитражных оговорках. Принят Лигой Наций, Женева, 24 сентября 1923 г., перевод на русский язык. Текст: электронный // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли : в 2 т. Т. II. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 1973. С. 9–13. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/register_texts_vol_ii.pdf (дата обращения: 28.11.2025).

⁴ Конвенция об исполнении иностранных арбитражных решений. Принята Лигой Наций, Женева, 26 сентября 1927 г., перевод на русский язык. Текст: elek-

ции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.)⁵ (далее – Нью-Йоркская конвенция), Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже (Женева, 1961 г.)⁶. Посредством этих международных документов установился новый, более тесный уровень взаимодействия национальных юрисдикций, когда в арбитраже разрешался имущественный спор через процедуру последующего судебного контроля в странах-участницах. Как утверждает Я. Поллсон, «отныне арбитражные решения могли быть приведены в исполнение во всех государствах, подписавших Конвенцию, под их судебным контролем и без предварительного заявления суда страны, где было вынесено решение, о его исполнимости» [6, с. 61]. При этом речь идет о важных правоприменительных актах, меняющих имущественное состояние экстерриториально.

Результаты исследования

Неизбежность национальности третейских производств

Более развитая практика обращения к иностранному праву в судах Европы привела к возвеличиванию третейского негосударственного форума, работающего в области международной торговли на базе равноудаленности или одинакового значения правил, либо избранных сторонами⁷, либо определенных посредством применения коллизионных норм национального права той или иной страны. Идея, поддержанная проарбитражными авторитетами западных стран, об истинно международном, автономном характере коммерческого арбитража [6, с. 48; 7, р. 66] укоренилась в российской доктрине и получила теоретическое обоснование⁸. Более того, благодаря разрабатываемым международным модельным рекомендательным правилам на основе вышеупомянутых западных взглядов принималось и российское законодательство.

В большинстве стран ратифицированы законы, освобождающие арбитраж от обязательности подчинения разрешаемых споров национальным нормам в пользу *lex mercatoria*⁹. Так, согласно ст. 28 Закона Российской Федерации от

тронный // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли : в 2 т. Т. II. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 1973. С. 14–19. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/register_texts_vol_ii.pdf (дата обращения: 28.11.2025).

⁵ Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901063> (дата обращения: 28.11.2025).

⁶ Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже (Женева, 21 апреля 1961 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900049> (дата обращения: 28.11.2025).

⁷ Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / пер. с англ. А. С. Комарова. М. : Статут, 2013. С. 3–4.

⁸ Костин А. А. и др. Современный международный коммерческий арбитраж : учеб. пособие. М. : МГИМО-Университет, 2012. С. 183. См. также: [8, с. 43–75; 9, с. 140–141; 10; 11, с. 342].

⁹ См., например, ст. 1511 ГПК Франции, ст. 187 Закона Швейцарии о международном частном праве, ст. 46 Закона Англии об арбитраже.

7 июля 1993 г. № 5338-І «О международном коммерческом арбитраже»¹⁰ (далее – Закон о МКА) арбитры руководствуются коллизионной системой, в соответствии с которой они уполномочены, например, определять, насколько должно иметь правовое значение реализованная автономия воли участников внешнеэкономической деятельности.

Концепция обособления международного коммерческого арбитража от национальных юрисдикций побуждает не видеть разницы между третейскими решениями, вынесенными с применением отечественного и иностранного права. Данный вопрос действующими международными конвенциями не затрагивается, а регулируется национальным правом: отечественными законами о международном коммерческом арбитраже, процессуальными нормами кодексов.

Представители европейского юридического дискурса и российские специалисты, впитавшие логику западных доктрин, в этом случае подчеркивают важность правовой категории места арбитража, избираемого сторонами или арбитрами [12; 13; 14]. И тогда целый ряд вопросов якобы разрешается на основе поправки *lex loci arbitri*: процедура арбитража, арбитрабельность спора и т. п.¹¹

Locus арбитража

Правильная трактовка российского законодательства имеет результатом следующие выводы: номинально называть иное место арбитража, чем на это указывает складывающаяся правовая связь с третейской процедурой, стороны не вправе. *Lex loci arbitri* устанавливается в зависимости от расположения учреждения, администрирующего спор. Последнее слово в этом имеет контролирующий государственный суд: он вправе исследовать третейскую процедуру на предмет соответствия российским стандартам и отменить арбитражное решение, руководствуясь ст. 34 Закона о МКА. Содействовать иностранному третейскому производству, т. е. с местом вне России, суд не обязан, но и отменять решения без соответствующих оснований не вправе.

Другое дело, что термин «место арбитража» может использоваться в фактическом, а не в юридическом значении, и тогда оно почти без ограничений определимо сторонами и арбитрами. Статья 20 Закона о МКА регулирует этот вопрос в указанном смысле, в том числе закрепляя изменение места слушаний и заседаний в ходе третейского производства. Таким образом, не может быть арбитражей без места, а в другом отношении – национальности. С точки зрения российского Закона о МКА третейские суды, проводимые в России и за ее пределами, имеют различный правовой режим.

Применение панелью арбитров собственных и иностранных норм также сильно отличается – в первую очередь потому, что это вытекает из толкования российских материальных и коллизионных норм. Более того, несоблюдение предписанных различий должно сопровождаться правовой реакцией контролирующих органов, а именно судов. Третейские трибуналы не являются частью судебной системы. В случае с национальным материальным правом они не от-

¹⁰ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1240.

¹¹ Международный коммерческий арбитраж : учеб. / под ред. О. В. Скворцова, М. Ю. Савранского, Г. В. Севастьянова. 3-е изд., перераб. и доп. СПб. ; М. : АНО «Редакция журнала «Третейский суд», 2025. § 22.2.1.

вечают за единообразие соответствующей практики [15, р. 47; 16, с. 346], которая временно может придерживаться особых подходов¹² в русле текущей политики права, транслируемой через принципы, продвигаемые доктриной и высшими судебными инстанциями, не связаны ею [17, с. 90]. Неарбитрабельность и публичный порядок суть единственные материальные условия неисполнения либо отмены арбитражных решений, задействуемые компетентным судом.

Чужие материальные нормы в третейской деятельности

Российский арбитраж применяет и иностранное право. Согласно ст. 1191 ГК РФ иностранное право императивно, и при его применении суд устанавливает содержание его норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем государстве. Необходимо понять, как соотносится эта норма со ст. 244 АПК РФ о закрытом перечне оснований, по которым решение арбитражного суда не признается и не исполняется.

Одно из таких оснований состоит в том, что исполнение решения иностранного суда противоречило бы публичному порядку Российской Федерации. Однако подобный исход неприемлем. Публичный порядок задействуется для исключения нежелательного результата применения иностранного права в Российской Федерации¹³. Чтобы признать нарушение публичного порядка, подчеркивают зарубежные ученые, «необходимо доказать, что имеется некий элемент незаконности, либо что признание или приведение в исполнение арбитражного решения будет явно во вред общественному благу, либо, возможно, что признание или приведение в исполнение будет в полной мере оскорбительно для обычного, разумного и полностью осведомленного члена общества, от лица которого государство осуществляет свои полномочия» [18, р. 896]. Само по себе решение, отклоняющееся от судебной практики в своей стране, не колеблет публичный порядок и систему законодательства [19, р. 261]. Вместе с тем, если стороны сами избрали право, неправильное его применение третейским судом – не в соответствии с согласованной процедурой в широком смысле этого слова – означает нарушение (п. 4 ч. 3 ст. 233 АПК РФ).

С другой стороны, большинство скажет, что если иностранное право применяется в результате отсылки российской коллизионной привязки, то отечественный закон не позволяет оспаривать материально-правовое видение арбитражного трибунала, содержание, смысл и действие иностранных норм¹⁴. Если

¹² Идеология, лежащая в основе данного подхода, была выражена в форме манифеста в арбитражном решении по делу Dow Chemical 1982 г.: «Решения, [выносимые арбитрами], постепенно составляют свод прецедентного права, который необходимо принимать во внимание, поскольку он отражает последствия экономической реальности и соответствует потребностям международной торговли, которая нуждается в конкретных правилах, также постепенно разрабатываемых, международного арбитража» [15, р. 47].

¹³ Международное частное право : учеб. / отв. ред. Н. И. Марышева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ИЗИСП ; Юрид. фирма «Контракт», 2018. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ См., в частности, п. 1 и 5 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о

юридические результаты не стыкуются с публичным порядком, то неприемлемый с точки зрения базовых принципов правовой системы итог правоприменения может быть отменен.

Иностранный арбитражный суд, институциональный либо *ad hoc*, применив российское право, ставит вопрос о выдаче исполнительного листа ввиду надобности истца. А вот здесь обязательным является предписание обратиться к вопросу применения российского права строго в соответствии с отечественными практикой и доктриной (ст. 1191 ГК РФ).

Далее, первая задача состоит в установлении национальности арбитража, если контролирующие инстанции, которые также оказывают содействие третейскому суду, должны сохранять контроль в российской правовой системе в той мере, в какой соблюдается наше национальное право. Если оно применено неправильно, это не может не затрагивать основы российской правовой системы. Иностранные третейские суды не должны пользоваться свободой правоприменения, выводимой из российского арбитражного регулирования (ст. 34 Закона о МКА).

К иностранным арбитражам применимы только ст. 8, 9, 35, 36 Закона о МКА. А третейские продукты не должны, если они «произведены» вне российской правовой системы, основываться на недолжном использовании российского права, которое есть производная государственного суверенитета Российской Федерации [20, с. 62].

Согласно важному обобщению основоположника советской и российской науки международного частного права Л. А. Лунца государства ревностно относятся к своей судебной юрисдикции [21, с. 810–812, 814], что приводит почти всегда к положению, когда международный спор имущественного характера может быть разрешен несколькими национальными судами по месту нахождения ответчика, причинения вреда, исполнения контрактных обязательств и т. д. Процессуальные кодексы содержат нормы об исключительной компетенции рассматривать дела о недвижимости, корпоративных взаимоотношениях и т. п.

То регулирование, за которым стоит правовая политика, в частности, настаивание на отечественных гражданско-правовых положениях или их продвижение, например ст. 1189 ГК РФ, основывается на более эластичной норме. Здесь речь идет о взаимности: неприменение иностранных норм государства, игнорирующего применение российского права, может быть обусловлено принятием специального закона. Упомянутое положение выражает отсутствие государственного интереса и политики стимулирования действия своего права на других территориях. Когда обстановка изменится в зависимости от по-

публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений»:

«1. Оценка арбитражным судом последствий исполнения иностранного судебного или арбитражного решения на предмет нарушения публичного порядка Российской Федерации не должна вести к его пересмотру по существу.

<...>

5. Признание и приведение в исполнение иностранного судебного или арбитражного решения не может нарушать публичный порядок Российской Федерации на том лишь основании, что в российском праве отсутствуют нормы, аналогичные нормам примененного иностранного права». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

литического курса, будет разработан и внесен закон о взаимности, которым должны руководствоваться суды, отказывая в применении права конкретного государства. Такая модель поощрения применения отечественного права объясняется невозможностью диктовать условия равному суверену в его судебной деятельности, кроме как заключив с ним соглашение о правовой помощи.

В этой области устойчивая практика уже существует. Заключено свыше 100 соглашений о правовой помощи¹⁵, в том числе ждущих ратификации. Некоторые из них содержат нормы об обязательном применении определенного права в отдельных случаях международных браков, наследственных отношений, внедоговорного вреда, реже – при рассмотрении споров субъектов и стран – участниц соглашений или конвенций, вытекающих из договоров. Вместе с тем возможность не реагировать на такую практику иностранных третейских судов, которая основана на другом видении правового регулирования и формирует альтернативу нашим судебным прецедентам, должна поддерживаться механизмом непризнания или дисквалификации соответствующих решений.

De jure и de facto

Разделение юридического и фактического понятий «место арбитража» необходимо и даже неизбежно, поскольку существуют разные правовые режимы с точки зрения российской юрисдикции для арбитражей в Российской Федерации и вне ее¹⁶. Эти процессы должны соответствовать требованиям Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», Закона о МКА, АПК РФ и ГПК РФ, где предусмотрена процедура отмены решения, после которой отсутствуют какие-либо юридические последствия спора и его можно начинать заново. Кроме того, что важно, нет презумпции и процедуры непризнания российского третейского решения, и, например, покинуть российскую контролирующую юрисдикцию только путем заключения частного соглашения участники третейской процедуры не вправе. Для этого они должны договориться об арбитраже *ad hoc*, выехать за пределы России или избрать зарубежное администрирующее учреждение, т. е. соответствующая третейская деятельность должна стать неподведомственной российским судам и Минюсту России.

Поэтому теория «фикции» места арбитража, за которую ратуют пропагандисты западных подходов в международном коммерческом арбитраже, звучит нелепо и подозрительно¹⁷. *De facto* заседания могут проводиться где угодно: в

¹⁵ См.: Перечень многосторонних и двусторонних международных договоров Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по гражданским, семейным, административным и уголовным делам, а также по делам об административных правонарушениях (по состоянию на 30 июня 2023 г.) URL: https://www.vtsrf.ru/documents/international_practice/32706/ (дата обращения: 28.11.2025).

¹⁶ Международный коммерческий арбитраж : учеб. / под ред. О. В. Скворцова, М. Ю. Савранского, Г. В. Севастьянова ; отв. ред. Т. А. Лунаева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : АНО «Редакция журнала «Третейский суд» ; М. : Статут, 2018. С. 631–638. См. также: [13].

¹⁷ Международный коммерческий арбитраж. 2-е изд. С. 570.

месте, наиболее приемлемом для всех участников, например на яхте в открытом море. Европейский администрирующий орган может снять для этого зал заседаний в Калининграде. Однако это случаи нероссийского арбитража, к которому применима процедура непризнания, невыдачи исполнительного листа, но в отношении которого отсутствует возможность отменить решение (и по АПК РФ, и по ГПК РФ), а также повторить процесс в государственном суде. Администрирования спора силами иностранного арбитражного учреждения достаточно для признания третейского разбирательства нероссийским.

Российские государственные суды определяют национальность арбитража в зависимости от преимущественного места его проведения. Особое значение имеет вопрос о контроле над решениями иностранных арбитражных трибуналов, применивших российское право. Важно отметить, что в предыдущей редакции АПК РФ такие решения в соответствии с международным договором могли быть отменены¹⁸. Эта норма – своего рода исключение из правила о том, что юрисдикция национальных судов не позволяет эффективно лишить юридической силы правоприменительный акт другой страны.

Собственно признание

В АПК РФ в связи с реформой арбитража 2015 г. появилась ст. 245.1 о признании третейских судебных решений, не требующих принудительного исполнения.

Вместе с тем остается матрица непризнаний в случае неарбитрабельности, несоответствия публичному порядку или согласованной процедуре. В иных случаях признание предписывается. Нарушение должно презумироваться при любой заинтересованности российских субъектов и возможности повторного рассмотрения дела.

Сегодня в ГПК РФ закрепляется инициативный порядок непризнания и судебных, и арбитражных решений: путем обращения заинтересованного лица (ст. 413). В АПК РФ же третейское решение признается только ввиду того, что такая процедура предусмотрена в международном договоре и законе (ст. 245.1). Так, универсальная Нью-Йоркская конвенция, участницами которой являются большинство стран мира, устанавливает признание и принудительное исполнение иностранных арбитражных решений¹⁹. Относительно сферы действия этого документа можно предположить: простого признания решений, не требующих принудительного исполнения, названная Конвенция не касается, поскольку она предусматривает признание как первый шаг к принудительному исполнению. Согласно другой точке зрения, Нью-Йоркская конвенция распространяется на случай обычного признания [22, р. 966; 23, р. 93; 24, р. 243–245]. Этот вопрос

¹⁸ Согласно ч. 5 ст. 230 АПК РФ «в предусмотренных международным договором Российской Федерации случаях... может быть оспорено иностранное арбитражное решение, при принятии которого применены нормы законодательства Российской Федерации...».

¹⁹ «Нью-Йоркская конвенция не определяет термины “признание” и “приведение в исполнение”, а примеров толкования этих терминов в прецедентном праве недостаточно» (Руководство по Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.). Руководство в редакции 2016 г. Нью-Йорк : ООН, 2016. С. 10 (п. 7).

целесообразно было бы урегулировать таким образом, чтобы в указанной Конвенции вместо «и» был бы и в названии, и в самом тексте союз «или».

Так, с позиции российского законодателя, который внес в 2015 г. поправку в ст. 36 Закона о МКА, соответствующая процедура применяется к признанию или принудительному исполнению решения. Обычное признание установлено в конвенциях о правовой помощи для правоприменительных актов судов и органов юстиции. Таким образом, процедура простого признания иностранных третейских решений не урегулирована и ждет законодательного закрепления.

В свете сказанного мы полагаем, что разнообразную и сложную зарубежную доктрину о природе международного коммерческого арбитража можно использовать в учебном и законотворческом процессах. Однако в правоприменительной деятельности необходимо учитывать только российские законы «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (2015 г.) и «О международном коммерческом арбитраже» (1993 г.), где должны определяться базовые правовые категории.

Проблема применимого права и места арбитража имеет конкретное российское регулирование на основе установления различных режимов иностранного и отечественного третейского суда.

Обсуждение и заключение

Концепция договорной природы и делокализации арбитража не имеет нормативного обоснования в российском праве. Первое объяснение заключается в изложенных в настоящей статье российских правовых традициях, в соответствии с которыми третейский суд осуществляет правосудие особого рода и является субститутом судов.

Дефиниция места арбитража при преподавании научной дисциплины и при создании законопроектов должна раскрываться на основе научной компаративистики, потому что международный коммерческий арбитраж как институт оценивается как имеющий наднациональный статус [15, р. 45–46; 25, с. 18; 26, с. 12]. Однако судебная практика и правоприменительная деятельность показывают, что это не так.

Международный коммерческий арбитраж есть национальный общественный подинститут третейского производства или шире – альтернативного разрешения споров. Поэтому введение в обиход понятия, наращивающего свой смысл и значение, – прерогатива законодателя. Статьи 20 обоих законов «Об арбитраже» и «О международном коммерческом арбитраже» определяют понятие места арбитража как фактический адрес, где разрешение споров должно происходить. Но такие акты, как АПК РФ и ГПК РФ, в ст. 241–246 и других понимают под «местом арбитража» его национальность.

Таким образом, место арбитража в юридическом смысле определяет страну и даже область, которая создает привязку к компетентному суду. Правовая трактовка арбитража долгое время обусловливала назначением этого инструмента разрешения и улаживания споров как раз в области международного экономического оборота. Многие идеи происходили из западного проарбитражного дискурса и получали восприятие в Советском Союзе, а затем в современной России.

Сначала установилось, что третейское производство может происходить за границей при нейтральном форуме. Затем с принятием конвенций было установлено, что судебный контроль не должен касаться существа арбитражного

решения. Здесь нужно сделать оговорку о том, что если иностранный арбитраж применяет не собственное право, то согласно норме ст. 1191 ГК РФ он делать это должен, отсыкаясь к этому праву как к продукту суверенитета, не искашая и придерживаясь того выражения, которое оно имеет в практике и доктрине соответствующего, производящего это право государства.

После ратификации большинством стран Нью-Йоркской конвенции о принудительном исполнении арбитражных решений 1958 г. было установлено, что арбитраж может работать как внутренний и по процедуре международного коммерческого арбитража, подчиняющегося обычаям, применяя иностранное право и избирая любой иностранный регламент.

Затем в научный дискурс вошло понимание того, что арбитраж есть, по сути, процесс, а не отдельно взятый орган, который имеет ограниченное бытие во времени, и может быть администрируем определенными специализированными органами и арбитражными учреждениями. И наконец, на последнем этапе распространилась теория о том, что арбитраж вообще может находиться вне каких-либо юрисдикционных влияний и рассматривать спор в качестве дружеских посредников и определять без ограничений свой форум простым соглашением сторон или ввиду самоопределения состава третейского трибунала, продолжая оставаться в российской юрисдикции.

Сегодня отправной точкой логики о юридическом существе арбитража могут быть только российские законодательные акты, обрастающие непротиворечивой практикой применения и задающие направления научным теориям в Российской Федерации.

Список источников

1. Вицын А. И. Третейский суд по русскому праву: историко-догматическое рассуждение. М. : Тип. В. Готье, 1856. 96 с.
2. Reese W. Das schiedsgerichtliche Process-Verfahren nach Russischem Rechte. Dorpat : J. C. Schünemann's Wittwe, 1847. 74 S.
3. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сб. ст. / Исслед. центр част. права им. С. С. Алексеева при Президенте Рос. Федерации. М. : Статут, 2005. 416 с.
4. Евсеев Е. Е. Границы юрисдикций государств в отношении международного коммерческого арбитража // Правоведение. 2019. Т. 63, № 3. С. 440–459.
5. Белоглавек А. Й., Карфикова М. Коммерческий арбитраж: роль и место в процессе глобализации торговли и экономики // Государственная служба. 2019. № 1. С. 89–95.
6. Полсон Я. Идея арбитража / пер. с англ., под ред. Н. А. Бабаджаняна. М. : Рос. ин-т современ. арбитража, 2021. 528 с.
7. Gaillard E. International arbitration as a transnational system of justice // Arbitration – The next fifty years (= ICCA Congress Series. No. 16) / ed. A. J. van den Berg. The Hague : Kluwer Law International, 2012. P. 66–73.
8. Астахова Д. О. Тенденция делокализации международного коммерческого арбитража : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 228 с.

9. Ломакина Е. В. Негосударственное регулирование международных коммерческих отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2015. 195 с.
10. Плеханов В. В., Усоскин С. В. Автономия международного коммерческого арбитража: к вопросу о координации между различными юрисдикциями в процессе признания и приведения в исполнение решений международного коммерческого арбитража // Вестник международного коммерческого арбитража. 2012. № 1. С. 31–60.
11. Ярков В. В. Оспаривание решений международных коммерческих арбитражей и третейских судов (отдельные вопросы) // Развитие основных идей Гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной практике : сб. ст., посвящ. 70-летию С. А. Хохлова / Исслед. центр частн. права ; Ин-т частн. права ; отв. ред. С. С. Алексеев. М. : Старт, 2011. С. 319–342.
12. Монастырский Ю. Э. Арбитраж как место конкуренции национальных юрисдикций // Современное право. 2023. № 12. С. 93–105.
13. Монастырский Ю. Э. *Lex loci arbitri* в российской законодательной концепции альтернативного разрешения споров // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 146–162.
14. Муранов А. И. Место международного коммерческого арбитража. Особенности этой категории в российском праве // Вестник международного коммерческого арбитража. 2017. № 2 (15). С. 67–96.
15. Gaillard E. Legal theory of international arbitration. Leiden ; Boston : Martinus Nijhoff Pub., 2010. 194 p.
16. Алимова Я. О. Практика международного коммерческого арбитража как источник *lex mercatoria* // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3 (16). С. 340–349.
17. Монастырский Ю. Э. Принципы и основные начала в российском гражданском праве и законодательстве // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19, № 4. С. 66–100.
18. Dicey A. V., Morris J. H. C., Collins L. The conflict of laws. 15th ed. London : Sweet & Maxwell, 2012. 2385 p.
19. Mayer P., Sheppard A. Final ILA Report on Public Policy as a Bar to Enforcement of International Arbitral Awards // Arbitration International. 2003. Vol. 19, issue 2. P. 249–263.
20. Монастырский Ю. Э. Российская гражданско-правовая концепция взаимодействия с иностранными юрисдикциями // Право между Востоком и Западом. 2024. № 4. С. 56–66.
21. Лунц Л. А. Курс международного частного права : в 3 т. М. : Спарт, 2002. 1007 с.
22. Fouchard P., Gaillard E., Goldman B. International commercial arbitration / eds. E. Gaillard, J. Savage. The Hague ; Boston ; London : Kluwer Law International, 1999. 1280 p.
23. Rubinstein J., Fabian G. The territorial scope of the New York Convention and its implementation in common and civil law countries // Enforcement of arbitration agreements and international arbitral awards: the New York Con-

- vention in practice / eds. E. Gaillard, D. Di Pietro. London : Cameron May, 2008. 988 p.
24. Berg A. J. van den. The New York Arbitration Convention of 1958: Towards a Uniform Judicial Interpretation. Deventer : Kluwer Law & Taxation Pub., 1981. 466 p.
 25. Мистелис А. А. Предисловие // С. А. Курочкин. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж : моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2021. С. 16–20.
 26. Кордеро Мосс Дж. Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 26 с.

References

1. Vitsyn, A. I. *Arbitration court under Russian law: historical and dogmatic reasoning*. Moscow: Printing House of V. Got'e; 1856. 96 p. (In Russ.)
2. Reese, W. *Das schiedsgerichtliche Prozess-Verfahren nach Russischem Rechte*. Dorpat: J. C. Schünmann's Wittwe; 1847. 74 S.
3. Dozorcev, V. A. *Intellectual rights: Notion. System. Codification tasks*. Collection of articles. Research Centre of Private Law named after S. S. Alekseev under the President of the Russian Federation. Moscow: Statut; 2005. 416 p. (In Russ.)
4. Evseev, E. E. The boundaries of the jurisdictions of states in relation to international commercial arbitration. *Pravovedenie = Jurisprudence*. 2019;63(3):440–459. (In Russ.)
5. Beloglavek, A. J., Karfikova, M. Commercial arbitration: role and place in the process of globalisation of trade and economy. *Gosudarstvennaja sluzhba = Public Service*. 2019;(1):89–95. (In Russ.)
6. Paulsson, J. *The idea of arbitration*. Transl. from Engl. Ed. N. A. Babajanyan. Moscow: Russian Institute of Modern Arbitration; 2021. 528 p. (In Russ.)
7. Gaillard, E. International arbitration as a transnational system of justice. *Arbitration – The Next Fifty Years (= ICCA Congress Series. No. 16)*. Ed. A. J. van den Berg. The Hague: Kluwer Law International; 2012. Pp. 66–73.
8. Astakhova, D. O. *The tendency of delocalisation of international commercial arbitration*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2019. 228 p. (In Russ.)
9. Lomakina, E. V. *Non-state regulation of international commercial relations*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Chelyabinsk; 2015. 195 p. (In Russ.)
10. Plekhanov, V. V., Usoskin, S. V. Autonomy of international commercial arbitration: to the issue of coordination between different jurisdictions in the process of recognition and enforcement of international commercial arbitration awards. *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha = Bulletin of International Commercial Arbitration*. 2012;(1):31–60. (In Russ.)
11. Yarkov, V. V. Challenging the decisions of international commercial arbitration and arbitration courts (some issues). In: S. S. Alekseev, ed. *Development of the main ideas of the Civil Code of Russia in modern legislation and judicial practice*. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of S. A. Khokhlov. Research Centre of Private Law; Institute of Private Law. Moscow: Statut; 2011. Pp. 319–342. (In Russ.)

12. Monastyrsky, Yu. E. Arbitration as a place of competition of national jurisdictions. *Sovremennoe pravo = Modern Law*. 2023;(12):93-105. (In Russ.)
13. Monastyrsky, Yu. E. Lex loci arbitrii in the Russian legislative concept of alternative dispute resolution. *Tretejskij sud = Court of Arbitration*. 2023;(1/2):146-162. (In Russ.)
14. Muranov, A. I. Place of international commercial arbitration. Features of this category in Russian law. *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha = Bulletin of International Commercial Arbitration*. 2017;(2):67-96. (In Russ.)
15. Gaillard, E. *Legal theory of international arbitration*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Pub.; 2010. 194 p.
16. Alimova, Ya. O. Practice of international commercial arbitration as a source of lex mercatoria. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Current Problems of Russian Law*. 2010;(3):340-349. (In Russ.)
17. Monastyrsky, Yu. E. Principles and basic principles in Russian civil law and legislation. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2024;19(4):66-100. (In Russ.)
18. Dicey, A. V., Morris, J. H. C., Collins, L. *The conflict of laws*. 15th ed. London: Sweet & Maxwell; 2012. 2385 p.
19. Mayer, P., Sheppard, A. Final ILA Report on Public Policy as a Bar to Enforcement of International Arbitral Awards. *Arbitration International*. 2003;2(19):249-263.
20. Monastyrsky, Yu. E. Russian civil law concept of interaction with foreign jurisdictions. *Pravo mezhdu Vostokom i Zapadom = Law Between East and West*. 2024;(4):56-66. (In Russ.)
21. Lunts, L. A. *Course of international private law*. In 3 vols. Moscow: Spark; 2002. 1007 p. (In Russ.)
22. Fouchard, P., Gaillard, E., Goldman, B. *International commercial arbitration*. Eds. E. Gaillard, J. Savage. The Hague; Boston; London: Kluwer Law International; 1999. 1280 p.
23. Rubinstein, J., Fabian, G. The territorial scope of the New York Convention and its implementation in common and civil law countries. In: E. Gaillard, D. Di Pietro, eds. *Enforcement of arbitration agreements and international arbitral awards: The New York Convention in practice*. London: Cameron May; 2008. 988 p.
24. Berg, A. J. van den. *The New York Arbitration Convention of 1958: Towards a Uniform Judicial Interpretation*. Deventer: Kluwer Law & Taxation Pub.; 1981. 466 p.
25. Mistelis, L. A. Preface. In: S. A. Kurochkin. *Arbitration proceedings and international commercial arbitration*. Monograph. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Statut; 2021. Pp. 16-20. (In Russ.)
26. Kordero Moss, J. *Autonomy of the will in the practice of international commercial arbitration*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 1995. 26 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Монастырский Юрий Эдуардович, доктор юридических наук, профессор кафедры «Гражданское право и процесс» Юридического института СевГУ (Российская Федерация, 299053, Севастополь, ул. Университетская, 33), профессор кафедры международного частного и гражданского права имени С. Н. Лебедева МГИМО МИД России (Российская Федерация, 119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76).

Yuri E. Monastyrsky, Dr. Sci. (Law), Professor of the Civil Law and Procedure Department, Law Institute, Sevastopol State University (Russian Federation, 299053, Sevastopol, 33 Universitetskaya St.), Professor at the International Private and Civil Law Department named after S. N. Lebedev, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 22.03.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 22.03.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 24.11.2025.